

Борис Поломошнов Егор Поломошнов Гармоны счастья

Посвящается Марии Поломошиновой

Присказка

*«Я облагодетельствован прежде,
чем успел пожелать».*

Альбер Камю. Эссе из сборника «Изнанка и лицо».

Каждый человек — счастливчик!

Уже самым фактом того, что он — есть.

Это же надо было случиться такому Чуду, чтобы будущий Папа и будущая Мама будущего Человека встретились в Пространстве и во Времени!

И притом — именно таким чудодейственным образом.

Ведь шансов для этого было — всего-то ничего.

И, тем не менее, Оно, это Чудо, свершилось!

Для чего, спрашивается?

Для того, чтобы родившийся Человек стал счастливым сам и приносил счастье другим людям.

Иначе — незачем и рождаться.

Еще одна притяказка. Вторая, и — последняя

*«Ключик от счастья
Мне подарила судьба».*

Из древне-японской поэзии.

Вам удавалось взобраться на вершину Эвереста?

Да, да, того самого, который Джомолунгма?

Нет?

Те, кто побывал на этой самой-самой Вершине Мира, говорят, что Счастье — именно там.

А на своей Нобелевской лекции, посвященной вручению Вам одноименной Премии, Вы присутствовали?

Как?

Тоже — нет?!

А на верхней ступеньке пьедестала почета с золотой медалью чемпиона Олимпийских игр на Вашей груди Вы стояли? Так, чтобы в Вашу честь играли гимн и подымали на флагштоке развевающийся на бодрящем ветру стяг Вашей страны?

Опять — нет??!

А на первой строке самых богатых людей Мира — по версии глянцевого журнала «Forbes» — Ваше имя фигурировало?

Нет??

Но, может быть, Вам доводилось пить в весеннем лесу только что проистекший березовый сок? Вместе с Бредом Питом/Анджелиной Джоли — в зависимости от Ваших предпочтений?

Что? Снова — нет??

И Вы, зная, что ничего из перечисленного с Вами не случилось, и, положив руку на сердце, признаёмся себе, что, вероятнее всего, уже никогда не случится, тем не менее, претендуете на то, чтобы стать и быть **дважды счастливым** человеком???

Ведь первый раз Вы им уже стали, когда родились, только Вы тогда этого не знали.

Что же, имеете право.

И — возможность.

Как их реализовать?

Об этом-то, как раз, и идет речь в просматриваемой Вами книге.

Глава I Кто не-счастлив?

*«Ведь та поистине счастливая доля,
что находится за пределами зависти,
вложена... в твои руки».*

«Ригведа». Мандала I, XVII век до н. э.

Не свисти: денег не будет.

Слыхали.

Знаем.

Понимаем.

А вот что нужно *не делать*, чтобы счастье не поворачивалось к нам, как избушка-на-курьих-ножках, — к лесу — передом, а к нам — совсем наоборот?

Ведь, как сказал еще две с половиной тысячи лет назад Гераклит Эфесский по прозвищу *Темный*, «не все богатые счастливы, и не все счастливые богаты».

Конечно, лучше быть здоровым, богатым и счастливым, чем больным, бедным и несчастным.

А если, все-таки, придется выбирать, то: что бы Вы, да, да, именно Вы выбрали?

Ведь жизнь — это не «Дом подарков».

Один *презент* она уже сделала каждому из нас, осчастливив возможностью родиться.

Но и даже он — не бесплатный.

Ведь за право жить каждый из нас должен заплатить.

Обязанностью умереть.

Что уж тогда говорить об остальных *подарках!*

Платить приходится за все.

Как говорится, *по прейскуранту*.

Цена свободы как права выбора — груз ответственности за сделанный выбор.

Плата за долголетие — немощность.

Цена эгоизма — одиночество. Ведь сделать приятное другому, чтобы самому стало от этого приятно — отнюдь не эгоизм, а взаимоприятствие. Эгоизм же — делать себе приятное за счет другого.

Цена материального богатства — весьма *специфическое* отношение к богатому его потенциальных наследников.

За более чем обеспеченность расплачиваться приходится полнейшей пресыщенностью. С последующей за ней либо апатией, либо — поиском чего-нибудь эдакого — *поострей и позабористей*. Как говорится, «на грани фола». Или — скорее — за этой гранью.

Цена власти — иллюзия вседозволенности.

Славы — иллюзия непогрешимости.

Иллюзий — душераздирающий психологический *надломный* синдром, непременно следующий за их крушением

Красота, как известно, «требует жертв», необходимых для ее поддержания в надлежащем состоянии.

Здоровье тоже требует: множества самоограничений и *самозаставлений*. Да и то — с негарантированным результатом.

Ну, и как, спрашивается, тут станешь счастливым?

Когда не одно так — другое.

Так и преследует, и преследует человека.

Как назойливый вымогатель.

Или — шантажист.

Не хочешь несчастья — плати.

Хочешь счастья — тем более.

Вот в чем его болезненность-то.

Кто-то готов платить — *по прейскуранту*.

Кто — с радостью: «Не пить спиртного и не употреблять наркотики, чтобы быть здоровым? Да с дорогой душой!».

Кто — с болью. Душевной: «Что?! Опять?! Опять бежать этот кросс «бегом от инфаркта?!». По такой погоде?! Э-хэ-хэ...».

Кто-то же стремится получить желаемое благо, увильнув от уплаты за него: «Кушать хочется, худеть хочется — все хочется!» (см.: кинофильм «Раба любви»).

Сразу скажем: так не получится — кревоугодие и стройность фигуры несомместимы.

А вот чем платить за то, чтобы не быть несчастным?

Не свистеть?

Даже когда очень хочется?

Если бы...

Свистунов, конечно же, стало бы поменьше, но суммарный объем счастья в мире вряд ли бы от этого существенно увеличится.

Мудрые, хотя и древние, римляне утверждали:

«Beatus possidentes» — «Счастливы владеющие».

Забыли сказать: чем?

Золотом?

Как *всеобщим эквивалентом стоимости* ?

Так?

Не будем вспоминать миф о *разнесчастном* царе Фригии Мидасе, получившим — по его просьбе — от бога Бахуса умопомрачительную *привилегию* : превращать все, к чему он прикоснется, в чистое *червонное* золото.

Не будем напоминать и о дальнейшей печальной участи бедолаги, вызванной такой *привилегией* : давно это было.

Если — было.

Сейчас — совсем другие времена.

И, соответственно, сегодня все совсем *по-другому* .

Сегодня «золотое правило жизни»: *у кого больше золота, тот и прав* .

И — счастлив.

Он же.

Правильно?

«Неправильно, но так оно и есть», — скажите

Вы.

И будете, конечно же, правы.

Почти.

«Как это, как это?», — спрósите Вы.

А вот так это.

Живет себе на Свете некто *X* .

И у этого *X* есть *Мечта* .

Заветная.

Построить в заповедной — роскошной ландшафтной зоне особняк.

Тысячи эдак на полторы.

«Квадратов».

Да так, чтобы в нем было десять туалетов с позолоченными унитазами-биде-писсуарами и пяток «джакузи».

Естественно , тоже позолоченных.

X — субъект энергичный, предприимчивый и напористый.

Знает, как *решать вопросы* .

С Кем Надо.

Из Власть-и-Деньги-Имущих.

Естественно, при таких-то своих свойствах-качествах *Мечту* свою он, конечно же, осуществил.

Как говаривал незабвенный Чебурашка, «мы строили-строили, и, наконец, построили!».

Счастлив ли упомянутый *X* ?

Осуществивший-таки свою заветную *Мечту* ?

«Ну, конечно!», — скажете Вы.

И, увы, ошибетесь.

Бедолага-*X* ни одной ночи не может уснуть.

Без того, чтобы не «принять на грудь» пару бутылок «Hennessy», запив ими пол-пачки

димедрола.

«Как же так!?!», — с недоумением, граничащим с негодованием, воскликнете Вы.

И продолжите свою гневно-недоуменную тираду: «Ведь у него же все — не просто хорошо, а распрекрасно! Значит, этот самый *X* непременно должен быть счастливым!».

Какое там!

Бедняга *X* мучается и страдает, как раб на галере при *боцмане-садисте* нетрадиционной сексуальной ориентации.

Наш *X* ворочается — до самого рассвета — на своем *брендовом* постельном белье от производителя..., впрочем, не будем никому предоставлять бесплатную рекламу.

Под стать постельному белью все остальное у *X* — на том же *уровне* .

Чего, казалось бы, этому *X*- у еще надобно, спрашивается??!

Кто или что так основательно мешает этому самому *X*- у быть счастливым??

Не догадались?

До сих пор??

Ну, напрягитесь!

Или, наоборот, расслабьтесь.

О!

Видите!!

Уже!

Догадались!

Действительно, *Иксу* мешает быть счастливым *Игрек*.

Мешает настолько, что хоть пиши опус под кричащим названием: «*Нет счастья в жизни!*», — хоть начинай помаленьку заниматься суицидом.

Поскольку — невмоготу!

Ведь *X* же помнит, как начинал этот самый *чмошный Y*: торговал сосательными конфетками — теми, что на палочке — под названием «чупа-чупс» и тайваньскими презервативами.

А теперь — поди ж ты! — и мандат депутатский у *Y*-ка покруче, чем у *X*-а, и автомобильный парк у него вмещает и новейшие и наистарейшие экземпляры марок самых престижных производителей, и — главное! — особняк-то у *Y*-ка неизмеримо помпезнее, чем у нашего *разнесчастливого X*-а.

И унитазаы-биде-писсуары там — не просто позолоченные, как у *X*-а, а — из чистого червонного золота, еще и с бриллиантовыми монограммами, вензелями и благоприобретенным — *со скидкой*, — *фамильным* гербом.

Естественно, самого *Y*-ка.

Поди, угонись за ним!

Можно, конечно, поднапрячься, поднатужиться, и возвести себе нечто подобное, но пока *X* будет *непосильным трудом* возводить

это, Y -то угораздится отчебучить нечто, что будет явно похлеще прежнего: вот в чем беда-то!

А вовсе не в беде, инкрустированном бриллиантами, изумрудами, рубинами и сапфирами.

Может быть, Y — компьютерный гений?

Или — выдающийся ученый, удостоившийся Нобелевской премии?

Или — изобретатель — на манер Эдисона?

Или — гений менеджмента-маркетинга? Как Стив Джобс или Акио Морита?

Ничего подобного!

*Все — по отработанной «схеме»: на что глазенки свои завидующие положил, то ручонками своими загребущими и *отжал* . Подключив «решал».*

*Но «решала»-то решают *по-панско-пацански* не для всех!*

*Просто Y оказался в *нужное время* в *нужном месте* .*

И оказал там нужную услугу.

Нужному Человеку .

*Или же — предоставил *Ему* нужное удовольствие.*

Скорее всего, неоднократно.

Везет же некоторым!

*Ну почему этот *Нужный Человек* встретился именно Y- ку, а не X -у?!*

Уж X -то постарался бы!

Вовсю.

Но, увы, — для X -а — *счастливым* оказался не X , а Y .

«Ага!», — что в переводе на древнегреческий означает: «Эврика!».

Именно это воскликнете Вы, как только догадаетесь: счастлив не X , а Y !

И — вновь ошибетесь.

Поскольку Y -ку тоже кое-кто жутко мешает **БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ**.

Кто?

Совершенно верно!

Вы догадались!

Y -ку мешает **БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ... Z!**

Со всеми принадлежащими ему *прибамбасами* и *причандалами*.

Вроде яхты.

На носу которой — скульптурная золотая русалка.

А на корме — живая Дженнифер Лопес.

Во всяком случае, дива, удивительно похожая на нее.

Местами.

Вы такое видали?

И не увидите, ведь Вас же не приглашали на *такую* яхту, не правда ли?

А без приглашения Вас на нее не пустят.

Даже приблизиться к ней не дадут.

И не мечтайте.

И — не завидуйте.

Ведь *зависть* — по словам Плутарха —
есть несчастье от счастья другого .

Зависть не имеет границ.

Ни в пространстве.

Ни во времени.

Ни в условиях.

Ни в обстоятельствах.

«Невыносимой мукою томим

Тот, кто во всем завидует другим.

Всю жизнь тоской и злобою дыша,

Затянута узлом его душа».

Это — стихи Джами — Нуриддана
Абдурахмана ибн Ахмада (XV-й век, это уже —
нашей эры).

Лучшие из лучших умов Старого Света с
неистощимым энтузиазмом и со вдохновенным
упоеанием драли *Зависть* , как сидорову козу,
превращая ее в козла отпущения.

Всех иных грехов, производных от *Зависти* .

Не осталась в стороне от этого
благонамеренного занятия и народная мудрость.

Достаточно вспомнить, хотя бы, известную
притчу о том завистнике, который попросил у Бога,
чтобы Он лишил завистливого бедолагу одного его,
бедолагинова глаза, только для того, чтобы сосед

бедолаги остался без обоих.

Или же — всем известное пожелание, адресованное завистником корове соседа.

Все ее обличают, — естественно, *Зависть*, а не соседскую корову.

Все по ее поводу негодуют.

А она по-прежнему произрастает.

И — более того — процветает.

Такая невиданная живучесть, произрастаемость и процветаемость «сидоровой козы» — *Зависти* объясняется очень просто: «коза»-то — ряженая!

Рядится она в благопристойный древнеэлладский пеплос или не менее благообразный древнеримский пеплум.

Выдавая себя за преисполненную всяческого благородства Справедливость.

Тем же занимался — с неизбытым энтузиазмом и поправкой на свои гендерные и маскулинные особенности — антигерой «Собачьего сердца», бывший помойный пес Шарик, глубокомысленно изрекающий «абсолютный рецепт» всеобщей Справедливости: «Отнять и — разделить!».

Что разделить?

Между Шариковым, Швондером и иже с ними?

Комнаты профессора Преображенского? В

которых он не только спит, столуется, но и принимает пациентов, и, при необходимости, их оперирует?

И — что самое горькое в «лекарстве», прописываемом сим «рецептом», — так это то, что оно, как никакое другое, востребуемо.

И — требуется.

Настойчиво.

Остервенело.

Осатанело.

Большинством.

Завидующим.

Всем, у кого больше.

Чего-то желаемого или жаждимого.

Но — особенно — завидуют абсолютному меньшинству.

Тому, которое не завидует.

Никому.

Есть ли смысл быть несчастным оттого, что кто-то счастлив?

Не отвечайте: не надо.

Как только человек отдает себя в липкие лапы *Зависти*, он обречен.

Быть навсегда **несчастливым** .

Ведь сколько бы ни было у человека: золота-серебра (платины-палладия), алмазов-бриллиантов (сапфиров, рубинов, изумрудов), движимости-недвижимости, — всегда

найдется тот, у кого всего этого больше.

Не бывает «белой зависти».

Зависть всегда черная.

Опустошающая душу.

Как космическая «черная дыра» —
окружающее ее пространство.

Зависть, как червь-паразит, гложет.

Только не тело, а душу.

Оставляя от нее одни жалкие ошметки.

Скукожившиеся до сгустков неумной злобы.

Направленной как на тех, кому завидуют,
особенно — на тех, кто не завидует никому.

Жак Калло. Офорт «Зависть». Из цикла «Семь смертных грехов» (1619 г.).

Последних, увы, немного.

И они-то, как раз, — не среди тех, у кого много: драгоценностей, подвижности-неподвижности, и прочей всякой всячины.

Но именно среди них-то — тех, кто никому не завидует — и есть по-настоящему счастливые люди.

Не хотите быть несчастным?

В таком случае — не завидуйте.

Никому.

Ни в чем.

Печальное, жалкое, убогое и унылое это зрелище: желавший — всем сердцем — избавиться и так и не избавившийся от *Зависти*.

Своей.

По отношению к другому.

Да, действительно, самому избавиться от своей зависти трудно.

Однако трудность отнюдь не означает невозможности.

Во всяком случае, есть смысл постараться, иначе токсин зависти будет неотвратимо и неумолимо разъедать и разлагать душу завидующего, как бактерии сифилиса — тело

сифилитика.

Еще труднее избавиться от чужой зависти по отношению к себе.

Не избавляться приходится от нее, а преодолевать ее.

Преодоление же зависти по отношению к себе ничуть не менее достойно уважения и восхищения, чем избавление от своей зависти по отношению к другим.

Дразнить людей своими достоинствами, успехами и достижениями, а, тем более, кичиться и хвастаться ими, провоцируя других на зависть по отношению к себе, по меньшей мере, тщеславно: тщетно добиваться славы таким *тще-душным* способом.

Ведь Ваши достоинства никуда от вас не денутся, если даже их не выставлять привселюдно напоказ.

Как сказано в древнеиндийской «Дхарме» (VIII-й век до н. э.), «ничтожен тот, кто любит говорить о своих достоинствах и о чужих недостатках».

Бывают люди, изо всех сил стремящиеся обелить свою зависть.

Всегда черную.

То, что в обиходе принято называть «белой завистью», на самом деле представляет собой нечто иное, нежели какая бы то ни было зависть.

Это «нечто» есть *стремление доказать.*

Миру.

И — себе.

В первую очередь.

Свою не/пустопорожность.

Свою не/ничтожность.

Свою само/ценность.

Свою само/достаточность.

Свою значимость.

Доказать.

Своими мыслями.

Своими словами, сопряженными со своими мыслями.

Своими действиями, согласующимися со своими мыслями и со своими словами.

Доказать, как говорил Марк Аврелий, что *если кто-то может что-то, то сие отнюдь не означает, что этого что-то не могу я.*

Этого, а, может быть, и лучшего.

В таком «доказательстве от противного» нет места *Зависти* .

Как «несчастьем от счастья другого».

Счастлив «другой», и — на здоровье!

***В Мире, свободном от Зависти,
счастья хватит на всех.***

Мы с Вами, Уважаемый/Уважаемая

Читатель/Читательница, хотели получить *гармоны счастья* ?

Поздравляю.

Нас с Вами: первый — готов.

Не врожденный.

Не генетически или генеалогически наследуемый.

Не впитываемый с молоком матери.

Не обретаемый в результате генетических мутаций.

Не передаваемый по наследству вместе с фамильным гербом и титулом.

Но — благоприобретаемый.

В результате совершаемых собой и над собой действий.

Осталось только его назвать.

Называем: *иммунитет к Зависти*.

Благоприобретение такого иммунитета есть *условие, необходимое* для того, чтобы быть счастливым/ой.

Условие необходимое , основополагающее, *но отнюдь не достаточное* .

Для того, чтобы быть счастливым/ой.

Более того, ни одно, отдельно взятое условие, даже при самом неукоснительном его соблюдении и выполнении не может быть гарантом счастья.

Только вместе с другими.

Называемыми нами гармонами Счастья.

Глава II

Стремление к пониманию близкого человека

«Если... понимания нет, то все становится шатким».

Марк Туллий Цицерон.

Мы, страстно желая быть счастливыми, не в последнюю очередь — в наших супружеских отношениях, — оказываемся патологически дремучими по поводу того, как этого достичь.

И речь здесь идет вовсе не о «Камасутре», хотя она — тоже весьма полезная книжка, — а совсем о другом: о том, без чего даже самые гармоничные сексуальные отношения между супругами не обеспечивают супружеского счастья.

«А что же тогда — «обеспечивает?», — спросите Вы, находясь в состоянии жгучей любознательности.

А вот что.

Представьте себе, что Вы — муж.

Прожили Вы со своей супругой уже какое-то, достаточно значительное время, и, что называется, «душа в душу».

Представили? Представили.

Тогда идем дальше.

Идете Вы домой.

С работы.

Злой-презлой.

Ведь перед этим Вы поругались со своим начальством .

А оно у Вас — не просто дурак, а — хуже дурака, а «кто страшнее дурака? Дурак с инициативой» (см.: Даниил Гранин «Иду на грозу»).

А в переполненном такими же мрачными типами, как Вы, общественном транспорте Вам отдавили ногу, оборвали пуговицу на пальто, и еще и нахамили. Просто так, потому что тесно и душно.

А еще Вы — голодный.

И оттого — еще более злой.

И единственное, что Вас согревает — душевно, конечно же, — это *предчувствие* того, как Вы сейчас придете домой, а там — Ваша любимая жена.

И она, жарко обняв и трепетно поцеловав Вас, проведет Вас на кухню (в «столовую», на/в «кухню-столовую» — не имеет значения), а там — на столе, сервированном по Вашему вкусу, — глубокая тарелка со свежесваренным борщом.

Таким, как Вы любите: густым, наваристым, с добрым *кусманом* мяса, со сметанкой, а к нему — борщу — свежеиспеченные пампушки.

С чесночком.

Смакотища!

Но тут-то и начинаются, что называется, варианты .

Вариант первый : все происходит так, как Вы и предполагали.

Хорошо!

Вариант второй : начало — как и предполагалось (объятия, поцелуи) а дальше — борщ есть, но его почти нельзя есть, то есть, он значительно хуже того, каковой Вами ожидался.

Плоховато будет, правда?

Вариант третий : объятия и поцелуи хороши, а борщ — по сути несъедобный. Совсем плохо, не так ли?

Не так. Потому что: см. ниже.

Вариант четвертый : объятия и поцелуи есть, а борща совсем нет .

Никакого.

И пампушек — тоже нет.

Вообще — ничего нет.

Вот это уже, как говорят в Украине, «неподобство» .

Полное.

Кричащее.

Вызывающее.

Вызывающее у Вас не просто неудовольствие, а плохо-скрываемую и совсем-плохо-сдерживаемую ярость.

Так?

Так.

А теперь — внимание! — *рецепт* .

Он же — *секрет*.

Он же — *гармон*.

Только не борща с пампушками, а *супружеского счастья* .

Пришли Вы домой.

Как это и *положено* — объятия и поцелуи.

Далее — варианты.

Первый вариант : ожидаемый Вами борщ хорош.

— Хорошо.

Второй вариант: борщ не очень хорош.

— Хорошо.

Третий вариант: борщ просто отвратительный.

— Хорошо.

Четвертый вариант: борща нет.

Как говорится, **ВООБЩЕ**.

И вместо него ничего, приготовленного для Вашего съедения, тоже нет.

ВООБЩЕ.

— Хорошо.

Вот Вам и весь *гармон супружеского счастья*

Никакого другого эффективного и продуктивного рецепта супружеского счастья нет и

быть не может.

Точка.

«Да вы с ума сошли!», — приблизительно так, отбросив излишние экивоки, *от всей души* скажут нам все мужья — как уже актуализировавшие себя в этом качестве, так и еще только будущие. «Ведь она же — имеется в виду жена — на голову сядет! И потом уже не слезет! Никогда!».

Не сядет.

Ни на голову, ни на шею.

Почему?

Да потому что (см. преамбулу к ситуации) Вы с ней прожили уже определенное время, что называется, «душа в душу».

Значит — что?

Значит то, что у нее — у Вашей жены — нет никаких поводов Вам мстить.

Просто — не за что.

И, что называется, на ровном месте она не будет заниматься местью.

Ни за что.

«Лады», — скажете Вы.

Но продолжите: «А почему же тогда с борщом-то — нелады?».

Давайте мыслить вместе.

Если у Вашей жены не было за что Вам мстить, поскольку ничего плохого Вы ей не делали, а делали ей только хорошее, но, тем не менее, она

сделала Вам плохо (Вы же не будете спорить с тем, что оставить усталого и голодного мужа без какого бы то ни было обеда — это плохо, не так ли?), то это может свидетельствовать лишь об одном: **плохо** было **ей** .

В чем конкретно заключалась эта *плохость* : то ли жуткая усталость навалилась; то ли периодические недомогания проявили себя с какой-то дикой силой; то ли хворь какая-то занастылась — не в том дело.

И не Ваше это дело — разбираться, что там и к чему.

Захочет — скажет.

Не захочет — нет.

Ну и не надо.

Не дело это — лезть человеку в душу, когда человек этого не хочет.

Ваше дело — **понять**, что близкому Вам человеку было плохо.

Сейчас стало лучше, ну и, как говорится, слава богу.

«Давай-ка я сейчас быстренько картошку почищу, мы ее поджарим и поедим. Огурцы консервированные откроем и что там еще?».

Вот так.

Чего еще надо для полного супружеского счастья, если есть **понимание** друг друга?

Во всем.

Ведь даже *любовь* , — как сказал о ней светлейшей памяти мудрец по имени Станіслав Ежи Лец, — *есть продолжение дружбы иными средствами.*

То, что Вы ни словом, ни жестом не проявили и не выразили своей жене своего недовольствия по поводу отсутствия борща, да и вообще — какого бы то ни было обеда, вызовет у нее такую бурю, нет — *цунами ! — благодарности* , что в следующий раз она приготовит не просто борщ, а самый лучший борщ в мире!

Это будет подлинный шедевр кулинарного искусства!

Более того, свою благодарность Вам Ваша жена выразит тем, что сделает Вам исключительно приятно. Во всех отношениях.

За что Вы — *в свою очередь* — быстренько-быстренько купите ей абонемент в *спа-салон* , о котором она давно мечтала, но все как-то было: *то — одно, то — другое.*

А вот за это...

А за это Ваша жена купит Вам билет на ближайший матч Лиги чемпионов, и еще чего-нибудь сюрпризно-неожиданно-приятного *впридачу* .

А за это...

«Что происходит?!», — воскликнете Вы, пребывая в состоянии полнейшего недоумения.

«Что это за «бесконечная история», в конце-то концов?».

Да, бесконечная.

Как цепная реакция взаимной благодарности и взаимной признательности.

Двух любящих друг друга людей.

Которым удалось-таки вырвать из себя отравленное жало *мелочных обид* (как вполне уместно назвал их Лермонтов, Михаил Юрьевич) и недовольств, эгоистичных амбиций и претензий, самолюбования и само-себя-жаления, жалящее — в самое сердце — и самогó себя, и сáмого близкого себе человека.

Спасибо Гегелю.

За сделанное им открытие.

Для всех нас — людей.

Ведь любое настоящее открытие — это открывание наших очей на природу «вещей».

В том числе — и такой «вещи», как «абстрактное мышление».

Поскольку *само по себе* оно — ни хорошо, ни плохо; ни добро, ни зло; ни полезно, ни вредно; ни человечно ни бесчеловечно.

Либо «таким», либо «сяким» оно становится лишь при наполнении его конкретным содержанием.

Как кувшина.

«Живой» или «мертвой» водой.

Вы *абстрагировались* (в переводе с латыни — отстранились, с более древнего и предшествовавшего латыни языка этрусков — оттащились) от не-существенного ради существенного.

И это-то, как раз, то, что надо.

Для супружеского счастья.

Честь Вам и хвала.

От Ее Величества Жизни.

Абстрагируетесь наоборот — то есть, от существенного ради не-существенного, и — получите.

То есть, получите.

По заслугам.

От той же самой *монаршей особы* .

Ведь в Жизни каждое живое существо способно отличить съедобное от не-съедобного, иначе это живое не было бы живым.

И лишь одно живое существо способно отличить еще и существенное от не-существенного.

Это — одно единственное среди всех других живых существ — человек.

Да, борщ — съедобный.

Как правило.

Но он — не-существенный для супружеского счастья: не умеет жена готовить? — ничего, научится.

Если захочет.

А если она Вас любит — по-настоящему, — то — обязательно захочет.

Не смогла приготовить высококачественный борщ сегодня?

Не беда: приготовит завтра.

Еще и лучший, чем приготовила бы сегодня.

Лишь бы Вы ей не *закатывали истерик* и не *устраивали сцен* по поводу отсутствия *сегодня* борща, будь он неладен.

А вот *отношения между мужчиной и женщиной*, составляющими то, что принято называть супружеской четой (будем здесь, все же, исходить из традиционных представлений о супружеской паре — имеем на то право: пока что?), не являются съедобными.

Как, собственно говоря, и сам супруг (ведь мы же — не насекомые-богомолы, самки которых прямо во время близящегося к своему логическому завершению полового акта отгрызают головы своих половых партнеров, те же — уже безголовые — самозабвенно завершают начатое дело).

Зато они — *отношения*, а не насекомые-богомолы — *то самое существенное*, *что только и может быть основой гармонии между супругами.*

Вот и все.

Люди!

Абстрагируйтесь!

От несущественного.

Ради существенного.

И — будете счастливы.

По крайней мере, в супружеской жизни.

И — не делайте наоборот.

Если же делать наоборот, то и получится — наоборот.

Вот такой рецепт супружеского счастья мы получаем.

От Гегеля.

Если внимательно (от слова — *внимать*) вчитаться в текст его работы «Кто мыслит абстрактно?».

В том числе — и в междустрочия.

Спасибо Гегелю за это.

Большое и, как говорится, человеческое.

«Однако», — как говорят мудрые коренные обитатели Чукотского полуострова — полнокровная семья — это не только супруги, пусть даже и совместно и благополучно нашедшие для себя гармон супружеского счастья.

Ведь само слово «семья» — производное от словосочетания «семь я».

Ну, «семь» сегодня, возможно, и перебор.

Но, как минимум, три — уже команда.

Полновесная и полнокровная.

Называемая — по традиции — семья.

И вот тут-то и возникает вопрос: а понимают

ли, пусть даже, прекрасно понимающие друг друга первые двое — сугубо хронологически, и не в коем случае не иерархически — в семье третьего?

Того, кто появился на Свет благодаря их — первых двух в семье — взаимной любви.

Понимают или нет?

Если: «Да», — то всегда ли?

Во всем ли?

Если: «Нет», — то почему?

Вообразим.

Сегодня — суббота.

Прекрасное солнечное утро.

Впереди — полных два дня заслуженного отдыха — целая вечность!

Для тех, кто умеет ценить время.

Во всей неисчерпаемой полноте его замечательных наполнений.

Да и вообще — для тех, кто способны воздавать должное всему действительно ценному.

Вы — мама.

У Вас замечательное семейство.

Живущее по принципу: «Папа, мама и я — очень дружная семья!».

Ваш *сынуля* уже успел выучить все заданные на понедельник уроки, и сейчас, с чувством добросовестно выполненного долга, играет на своей компьютерной приставке во что-то захватывающее.

С едва сдерживаемым нетерпением ожидая

приготавливаемых Вами горячо любимых им горячих оладушков.

С запеченными в них ломтиками яблок.

Вкуснотища!

И ее первая порция вот-вот будет готова к употреблению по назначению.

Красотища!

Ваш кот, наевшись свежесваренной специально для него куриной печенки, разлегся на свежеотглаженном белье и самозабвенно похрапывает, безмятежно просматривая свои, кошачьи сны.

Папа, правда, на смене, но скоро придет с работы, и они с сыном — как

и собирались — пойдут в... да какая, собственно, разница — *в куда* ?

Главное, что это обязательно будет увлекательно и интересно.

Идиллия!

Просто не верится, что кто-то или что-то сможет ее нарушить.

И вдруг...

Звонок.

Во входную дверь.

Кот стремглав метнулся на шкаф, за книжные полки, откуда, с высоты своего положения, приготовился с недоумением наблюдать: «А кого это там принесло в такую рань?».

Вы, раздумываясь от готовности вкусных оладушков, выскакиваете в прихожую, и, даже не заглянув в «глазок», открываете дверь.

И тут, прямо с порога, на Вас обрушивается поток нечленораздельного.

Полуречи-полувизга.

Исторгаемого из черного ротового отверстия.

Хищно разверзнутого.

Развернутого в полной боевой готовности.

Прямо на Вас.

Лица, исторгающего извергаемое нечленораздельное, почти не видно: только рот.

И из него, как из жерла kloкочущего кипящей лавой вулкана, исторгаются вопли.

В самом высоком из всех возможных звуковом регистре.

На фортиссимо и притом еще и *крещендиссимо*.

Сказать, что Вас охватила оторопь, значит не сказать почти ничего.

В Вашу безмятежную жизнь на Ваших глазах через входную дверь Вашей квартиры явно происходит вторжение.

Неведомого и необъяснимого.

«Так», — говорите Вы себе.

«Спокойно».

«Надо взять себя в руки».

«Хотя бы частично».

И лишь после этих слов, сказанных Вами самой себе, Вы замечаете, что возле kloкочущей яростью, вторгающейся в Вашу обитель и в Вашу безмятежную жизнь *Мегеры*, находится несовершеннолетнее существо.

Чуть постарше Вашего сына.

Одним кулачком размазывающее по своему лицу истекающие из него потоки жидкости и коллоидов, а пальчиком, торчащим из другого кулачка, показывающее на Вашего сына, выбежавшего на учиненный незванными пришельцами шум.

Теперь ситуация начинает понемногу проясняться: судя по всему происходящему, Ваш сын, по-видимому, нанес какое-то членовредительство сыну *Мегеры*.

Отчего она и kloкочет.

Бурной и неудержимой яростью.

«Спокойно», — еще раз говорите Вы себе.

«Без паники».

«Нужно включить свой мозговой компьютер, и тщательно рассчитать оптимальную линию своего поведения в сложившейся ситуации».

Какие варианты имеются в наличии?

Захлопнуть дверь и не реагировать на последующие звонки, стуки и *грюки* в нее?

Не подходит: ростный напор вторгающейся

Мегеры этим явно не остановить, и при таком развитии событий не исключено применение с ее стороны любых спецсредств.

Включая и ныне вновь обретший былую популярность *коктейль Молотова*.

Пригласить попить чайку с оладушками и предложить спокойно все обсудить?

О чем Вы говорите?!

Мегера явно хочет сатисфакции, и никакие оладушки ей желаемого удовлетворения не принесут.

Что тогда остается?

Устроить с Вашим сыном «разбор его полетов»?

Это при *Мегере* -то и ее *Мегеренке* ?

Да Вы только посмотрите сейчас на своего сына!

Он испытывает чувство страха.

Но — не перед наказанием.

Сколь суровым оно бы ни было.

Да, он боится.

Но боится не наказания, а того, что сейчас Вы можете стать на сторону *Мегеры* с ее *Мегеренком*.

Ваш сын боится оказаться преданным своей мамой, которую он бесконечно любит, и которой он беспредельно предан.

Вот чего он боится.

А не гипотетического сурового наказания.

И Вы хотите, чтобы самые жуткие опасения
Вашего сына сбылись?!

И кто Вы тогда будете после этого??!

Ведь даже Уголовный Кодекс, которого никто
не любит, но который все равно все должны чтить,
гласит, что близкие родственники подозреваемого
или обвиняемого освобождаются от обязанности
давать свидетельские показания против него!

Значит, что тогда остается?

Извиниться.

Но не от имени своего сына — тогда им это
было бы воспринято как предательство.

И не от себя лично — тогда им это было бы
расценено как индульгенция

на любые дальнейшие нарушения
общепринятых этических правил и норм.

Извинения в таком случае должны быть
принесены, начиная со слова **мы** : «**Мы**
приносим свои извинения, если **мы** были
неправы».

Мы — это слово, с которого начинается
семья .

Настоящая.

Сплоченная.

Дружная.

И всех нас в семье связывают узы не только
кровного родства, но и взаимопонимания и
взаимопомощи.

В сложившейся ситуации Вы отчетливо понимаете, что Вашему сыну нужно помочь.

Экстренно.

Поскольку ситуация — экстремальная.

Все «внутренние разборки» — если даже и есть в них необходимость — потóm.

Сейчас же необходимы эффективные действия по отражению внешней агрессии.

Касательно вашей семьи.

Действия, позволяющие сохранить ее монолитность, сплоченность, и не идущие вразрез ни с общепринятыми нормами общежития, ни со сложившимися в вашей семье отношениями.

И Вы делаете ход.

Как незаурядный шахматист в неблагоприятно складывающейся для него шахматной партии.

До этого Вы уже сделали «ход конем», принеся извинения от вашего «мы», и приведя тем самым противника в замешательство — *такого* от Вас явно не ожидали.

А теперь Вы «приносите в жертву ферзя», делая свое предложение оппоненту: «Может быть, Вам дать денег?».

Жертва не принимается: «Я своим ребенком не торгую!» — гневно

и непреклонно отвечает Вам Мегера.

В таком случае, как говорится, «спасибо за

внимание».

«Шах и мат».

На Вас с Вашим сыном напали на вашей же территории.

Нападавшие жаждали сатисфакции.

Они ее получили.

В виде принесенных Вами извинений.

С принесением извинений даже уже неминуемая, казалось бы, дуэль, когда противники уже готовы убить — в прямом смысле этого слова — друг друга, отменяется.

Более того, в качестве дополнительной компенсации за причиненный телесный и материальный ущерб, Вами были предложены деньги.

Чего в такой ситуации можно требовать еще?

«Суда Линча»?

Однако сейчас не девятнадцатый век, и мы с Вами — не в США тех времен.

Значит, нравится это *Мегере*, или же нет, но ей придется признать,

что повестка дня ее визита исчерпана.

Занавес!

А что за кулисами?

А вот теперь Вы спрашиваете своего сына: «За что ты побил мальчика?»

В ответ слышите: «Мама, этого я тебе не скажу».

«Ладно», — говорите Вы, — «вот придет папа, и ты ему все расскажешь».

«И папе не скажу», — произносит Ваш сын.

И сейчас уже вопрос к Вам, уважаемая мама: как Вы думаете, а за что же, все-таки, Ваш сын ударил мальчика, да так, что «расквасил» тому нос?

Догадались?

Судя по недоуменному выражению Вашего лица, нет, не догадались.

А дело было так.

Мама *побитого* Вашим сыном мальчика, в тот момент еще пребывающего в полной целостности и сохранности, провожая его в школу, выглянула в окошко.

Она так всегда делала: может быть, придется потеплее одеть своего школьника — в зависимости от того, как одеты проходящие мимо прохожие.

И тут в поле ее зрения оказываетесь Вы.

В очередной раз.

Выходящая из своего «парадного», расположенного как раз напротив окна упомянутой наблюдательницы.

И, как всегда, Вы стройны, подтянуты, элегантны.

Несмотря на весьма скромные зарплаты.

Вас и Вашего мужа.

Ни упомянутая наблюдательница, ни, тем более, ее муж, уже давно не живут на зарплату.

Он — как лицо, обремененное званием *ответственного работника*, — весьма плотно занимается *распил* бюджетных средств, и в *поте лица своего трудится* над получением *откатов*, не говоря уже о неких *материальных благодарностях* от просителей его *автографов* на разрешительных документах.

Она же — как лицо, наделенное званием *жены ответственного работника*, — уже давно не позволяет себе *совершать выходы* ни в каком ином, кроме *луи-виттоновского*.

Однако, или же все зеркала, в которые она смотрится, кривые, или Louis Vuitton окончательно захирел, но все, надетое на ней, сидит, извините, «как на корове седло».

И тут, выглянув из своего окна, она увидела, нет, ощутила всем своим нутром — нате вам, здрасьте! — *какая-то брандахлыстка без гроша за душой* позволяет себе *неслыханную дерзость* и *невиданное нахальство*: быть всегда не только подтянутой, но еще и элегантной, изысканной и утонченной!

«Какое свинство!», — не правда ли?

«Вот ...Б!!», — только и смогла натужно выдохнуть из себя наша наблюдательница.

Тут как тут — ее сынок!

Подхватил, и — понес!

Сначала — на улицу.

А потом — и в школу.

А там — сын наблюдаемой наблюдательницей.

То есть, Ваш сын.

«А твоя мать — ...Ь!!!», — радостно сообщил сногшибательную новость один мальчик другому мальчику же.

И тут — бабах!

Такой удар судьбы!

С ног сшибающий!

Прямо в нос!

До кровавых, извините, коллоидов.

И кто бы мог подумать, *не правда ли ?*

И как после этого не пожаловаться маме на такую *обиду* и *несправедливость* ?!

Ведь она такая умная: всегда все знает.

Про всех.

Или, все-таки, не всегда?

Что-то, наверное, *шестое чувство*, начинает помаленьку ему подсказывать, что, наверное, не всегда.

Неправда, что *шестое чувство* всегда приходит через *пятую точку*.

Как оказалось, иногда оно приходит через самую выдающуюся точку на лице, а именно, через нос, что, собственно, и произошло в данном случае.

А в семье обидчика и его папы с мамой далее произошло вот что.

Папа пришел с ночной смены, а работает он кузнецом в цехе тяжелых кузнечно-прессовых машин, и, услышав от мамы всю эту историю, пригласил сына на разговор.

Как говорится, «tête à tête».

«Было?», — сурово спросил отец.

«Было», — исподлобья ответил сын.

«За что?», — был задан вопрос.

Отцом.

«Было за что», — был дан ответ.

Сыном.

«Добре, сынку», — сказал отец — «я тебе верю».

На этом вся *воспитательная акция* отца по отношению к сыну закончилась.

Не успев начаться.

Да и надо ли было как-то по-другому?

Все равно ведь сын — ни при каких условиях и ни-в-каких-бы-то-ни-было обстоятельствах — не сказал бы никому на всем Белом Свете, за что именно он расквасил нос *бедолаге*, повторившему глупость и подлость своей мамули.

Да, пострадал нос одного человека.

Но виновницей сих страданий — по большому счету — была изначально совсем другая персона.

Какая — нетрудно догадаться.

За одного из двух мальчиков, участвовавших в

вышеописанном конфликте, можно быть спокойными: он растёт, как надо.

То есть, не только Личностью, но и Рыцарем, ведь *честь дамы сердца настоящего Рыцаря находится на острие его шпаги.*

И пусть не обольщаются потенциальные обидчики его будущей внучки:

за кажущейся физической немощью старика будет подремывать — до поры-до времени — непреклонная воля *Ворошиловского стрелка* .

Подробнее обо всем этом — см.: Борис Поломошнов. «Химера воспитания».

Ведь, несмотря на все Ваши *глубокие убеждения* в обратном, *Хорошее Воспитание* , это все равно, что *хорошая виселица* или *хорошая гильотина* .

Она не представляет собой ничего, кроме бессмысленного и кощунственного сочетания не-сочетаемых между собой слов.

Поскольку любое *Воспитание* , пусть даже самое-самое *расхорошее* , по сути своей есть аркан.

На котором *воспитующий* тянет *воспитуемого* .

Туда, куда он, *субъект Воспитания* , считает нужным.

Ни в малейшей степени не считаясь при этом с мнением на сей счет *объекта Воспитания* .

Однако то, что должно связывать людей *друг с*

другом , а не врага с врагом, не может быть ни арканом, ни лассо, ни поводком с *жестким ошейником* , а только лишь репшнуром — альпинистской веревкой.

То есть, не средством насилия над личностью Другого, а инструментом *вспоможествования*.

Друг другу.

Животное, которое тянут на аркане — в стойло ли, из стойла ли, на бойню ли (из бойни его уже не тянут на аркане, а вывозят по частям на машине с надписью: «Свежее мясо и мясопродукты») — есть, прежде всего, существо, страдающее от насилия.

Человек же, идущий к труднодостижимой но достойной *понимания* , уважения и достижения цели в связке с Другим Человеком — единомышленник ему.

И — друг.

Только в связке с Другим — другом, доверяясь друг другу всецело, вверяя друг другу — ни много — ни мало — самоё свою жизнь, можно достичь недостижимого в одиночку, но вполне достижимого в связке с Другим — другом.

В системе *Воспитания* — любой, пусть даже самой *разнаилучшейшей* — нет места дружбе, поскольку ею — дружбой — предопределяется и предвосхищается обязательный паритет в отношениях.

Как возможен паритет в отношениях между *воспитующим* — субъектом процесса *Воспитания* — и *воспитуемым* как объектом сего процесса?

Точно так же, как между заарканившим и заарканенным.

То есть, никак.

В альпинистской связке — все по-другому.

Там тот, кто в данный момент сильнее, идет впереди.

Но настает момент, когда силы идущего впереди иссякают.

И тогда ведущим становится тот, кто шел вторым (см.: фото ниже).

Posternazakaz.com.ua. Постер CSP0089B

Присмотритесь к журавлиному клину.

Летающий в нем первым принимает на себя всю

силу встречного потока воздушной массы.

И в тот момент, когда лидирующему становится невозможно выполнять свою лидерскую миссию, его сменяет другой.

Тот, чьи силы свежее.

Ни в одной системе *Воспитания* ничего подобного нет и в помине.

В ней — любой из них! — каждый *воспитующий* считает зазорным для себя и *ниже своего достоинства* признать, что в какой-то момент он может оказаться слабее своего *воспитуемого*.

И тогда, если так, все же, случается, происходит *нечто*, несообразное с реально сложившейся ситуацией.

Воспитующий начинает ловчить, юлить и изворачиваться, изо всех сил стараясь хотя бы делать вид, что все у него «под контролем».

Воспитуемый же — хоть разумом, хоть чувством — улавливает ложь и фальшь в поведении *воспитующего*.

От чего возникает *всераширяющаяся* трещина в их отношениях.

Трещина, порой достигающая глубины пропасти.

Если Вы стремитесь понимать своего ребенка, то, будьте уверены, он будет понимать Вас. Прежде всего — когда он повзрослеет, а Вы — увы! —

постареете, и будете нуждаться и в понимании этого, и — извините — в помощи.

Ежели же Вам удастся взрастить в себе *гармон понимания* близкого Вам человека, то и в своем супружеском счастье Вы будете пребывать долго-долго, поддерживая и понимая один другую и одна другого.

И ваш медовый месяц продлится до вашей золотой свадьбы.

Дальше — уж извините! — как уж получится.

Но — не будем о грустном.

Давайте — о веселом.

Или, по крайней мере, весело о животрепещущем.

Глава III

Умение уважать Другого

*«Мы бываем счастливы,
только чувствуя,
что нас уважают».*

Блез Паскаль.

«Нужно уважать старших!».

Верно?

Ага.

Точь-в-точь так же, как то, что атомная бомба всегда попадает точно в эпицентр взрыва.

Уважение по *принуж*дению — такой же абсурд, как любовь по заставлянию.

Помните, конечно же:

«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил —
И лучше выдумать не мог;
Его пример другим наука,
Но, Боже мой, какая скука...
Вздыхать и думать про себя:
Когда же чёрт возьмёт тебя!»

(Пушкин. «Евгений Онегин»).

Ведь уважение к человеку — по определению — есть признание его достоинств.

Достоин уважения каждый, родившийся человеком.

Изначально.

Уже за то, что он родился **ЧЕЛОВЕКОМ**.

Творением «по образу и подобию...».

Своим уважением к каждому незнакомому человеку мы предоставляем ему, если угодно, *беспроцентный кредит* доверия.

Авансом признавая его достоинства.

А если их нет?

И в помине?

Кроме *седины в бороду* да *беса в ребро* ?